

Комплексный психолингвистический анализ текста

В.В. Красных (МГУ, Москва)

Текст как феномен – явление весьма многогранное, разнообразное и многоаспектное. В связи с этим нет да и, пожалуй, не может существовать единого его понимания и определения. Термин «текст» фигурирует в трудах различных ученых для обозначения феноменов не только «разнопорядковых» (от отдельного высказывания до речевого потока), но подчас и различной «природы» (от процесса и результата речемыслительной деятельности до сугубо языкового, особым образом обработанного и структурированного произведения, выраженного исключительно вербальными средствами) (см., например, [3; 1; 15]).

В рамках той научной парадигмы, которая сложилась в последнее время и неотъемлемой составляющей которой является психолингвистика, текст рассматривается в первую очередь как продукт речемыслительной деятельности. Вместе с тем сегодня уже абсолютно очевидно и мало у кого вызывает неприятие утверждение, что текст как таковой (или его часть, фрагмент) может быть выражен и невербальными средствами. Во многих исследованиях текст рассматривается именно как «креолизованный» продукт, выраженный как вербальными, так и невербальными – паралингвистическими, визуальными и т. д. – средствами. Сегодня уже даже самые «стойкие» лингвисты не отмахиваются от того факта, что при непосредственной коммуникации до 80% информации коммуниканты получают по невербальным каналам, и соглашаются с тем, что невозможно изучать речь, не учитывая экстралингвистических факторов, на нее влияющих. Другими словами, анализировать речевое поведение, игнорируя общий контекст поведения коммуникативного, не принимая во внимание включенность речевой деятельности в общий круг других деятельностей (а это один из постулатов психологии и психолингвистики), не учитывая ситуацию, в которой осуществляется общение, и факторы, влияющие на процессы порождения и восприятия речевого произведения, не рассматривая языковое (лингвокультурное) сознание коммуникантов, сегодня не представляется оправданным, целесообразным и корректным.

«Парадокс текста» – его вербально-невербальная природа – объясняется тем, что из всего спектра средств выражения некоторого смысла (понимаемого в данном случае с позиций психологии) автор выбирает не только вербальные, но и невербальные (паралингвистические) средства (например, мимику, жесты и т. д.; об этом много писали, к примеру, Е. А. Земская [6], Г. В. Колшанский [7] и другие исследователи). Такой невербальный компонент коммуникации оказывается особо актуальным в наши дни: вспомним, например, недавно появившиеся типы текста – от электронных писем и интернет-текстов до текстов современных теленовостей и клипов (см., напр., [8]). Но это – тема отдельного разговора.

Говоря о комплексном психолингвистическом анализе текста (как одном из возможных подходов), следует иметь в виду, что практически все невербальные компоненты коммуникации и уж тем более все «немые реплики» могут быть вербализованы. Например, «вопросительный» взгляд на собеседника и кивок головы в ответ возможно «перевести» на язык слов: «Ну что? / Ну как? – Хорошо. / Ладно». И таких примеров из непосредственной коммуникации можно привести немало.

Если говорить метафорически, то текст можно представить как готовую картинку, «снимок» (своего рода «чистый» пример такого подхода – это понимание текста И. Р. Гальпериним и его последователями: текст рассматривается как готовый,

законченный продукт, подвергшийся определенной обработке [3; 17]). Дискурс, если продолжать нашу метафору, – это процесс и то, что его окружает. Таким образом, можно сказать, что текст – это то, что получилось, когда «художник» (автор / авторы текста) отложил кисть или карандаш. Это может быть рисунок, мгновенный набросок или сложное полотно. Но работа над продуктом завершена, и то, что получилось, начинает жить своей жизнью. Дискурс – это не только и не столько то, что выходит из-под руки автора, но и все наброски на полях, и все зарисовки, и черновики, и сам процесс работы, и мастерская, и сам художник (автор). Безусловно, при восприятии текста (а текст живет именно в момент своего порождения и восприятия его реципиентом / реципиентами) принципиально важными оказываются все аспекты, актуальные для дискурса, все параметры последнего. И это вполне объяснимо, поскольку текст – неотъемлемый «элемент» дискурса. Мы же говорим более четко и категорично: для нас текст есть основная единица дискурса.

Дискурс и текст невозможны вне процесса коммуникации (об этом говорили и писали многие исследователи [12; 14; 17]; то, что текст является единицей коммуникации особо и многократно подчеркивали психолингвисты [2; 4; 14]; однако оговоримся сразу, что для нас коммуникация – это не только процесс непосредственного общения: она может быть «рассеяна», «дистанцирована» во времени и пространстве). Коммуникация осуществляется с целью передачи / получения / обмена информацией, с целью некоторого определенного воздействия на реципиента (что из этого первично, что вторично – вопрос отдельный, не будем на нем останавливаться, поскольку в данном случае это для нас не принципиально). Коммуникация есть процесс и, как всякий процесс, поддается членению. Основной единицей коммуникации, с нашей точки зрения, является коммуникативный акт (КА). Компонентами КА являются ситуация и дискурс, основной единицей последнего является текст (см., напр., [9]).

Мы предлагаем некоторую методику и соответствующую ей модель психолингвистического анализа текста.

Цель подобного анализа – понять, получилось ли у коммуникантов совместная (речевая) деятельность, и показать это на конкретном материале.

Параметры текста, которые подвергаются анализу и вносятся нами в таблицу:

1) *конситуация*, под которой, вслед за Е. А. Земской, мы понимаем экстралингвистическую реальность, в которой имеет место коммуникативный акт; в данной графе таблицы указываются все основные изменения конситуации, которые имеют место при протекании конкретного коммуникативного акта и важны для процесса коммуникации;

2) *время*; фактор времени в ряде случаев имеет принципиально важное значение для протекания коммуникативного акта и, соответственно, его анализа; особенно релевантны в данном случае бывают паузы между репликами коммуникантов;

3) *последовательность реплик коммуникантов*; в графе указывается номер реплики; при этом «нумеруются» реплики не механистически, но с учетом их семантики и функциональной нагрузки: высказывания коммуниканта, произнесенные последовательно могут представлять собой одну реплику или несколько (число реплик определяется функционально-семантической нагрузкой и «ролью», которую данные высказывания играют, т. к. первое высказывание, например, может «закрывать» предшествующий (микро)текст, а следующее, соответственно, «открывать» последующий); важным (но далеко не единственным) показателем в данном случае является паузация;

4) *конкретный субъект* – коммуникант, автор, порождающий конкретный речемыслительный продукт;

5) *стимул* к речевому действию и *интенция* порождения речи;

6) *вербальная форма* продукта речемыслительной деятельности – сам *текст* в непосредственном предъявлении; презентация текста сопровождается определенными комментариями, отмечающими основные особенности использования языковых средств в данном конкретном продукте;

7) *реакция на конкретное речевое действие*: есть реакция – вербальная или невербальная – на данное действие или ее нет;

8) *структура текста*: микротексты и макротексты (но об этом следует говорить более подробно, что мы и делаем немногим позднее);

9) *логико-смысловое строение текста*; вычленяются логико-смысловые блоки, под которыми мы понимаем определенные фрагменты коммуникации¹;

10) *конкретное речевое действие* как минифрагмент коммуникации; определяется коммуникативно-прагматическая направленность речевого действия, его иллюкутивное значение (данный параметр связан с интенцией и, опосредованно, со стимулом данного речевого действия);

11) *связи между речевыми действиями*: выявляются и показываются связи между (а) речевыми действиями одного коммуниканта (если речевые действия «разнесены» во времени и пространстве, если слова одного коммуниканта прерываются словами другого, если есть некоторая логическая последовательность речевых действий одного коммуниканта) и (б) речевыми действиями разных коммуникантов (цепочка «связанных» реплик при диалоге, например).

Итак, мы считаем текст основной единицей дискурса. Текст может иметь структуру более простую или более сложную. Минимальной «текстовой» единицей является микротекст, который характеризуется, в частности, одной предикацией, одной микротемой, одним микроконцептом при порождении (ср. с идеей Н. И. Жинкина о том, что «во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение» [5: 250]. Микротексты могут складываться в единицы более сложной структуры – макротексты; ср.: «Наиболее важной чертой текста, отличающей его от всех других языковых образований, является наличие в тексте *смысловой суперструктуры*²» [10: 6] (выделено нами. – В.К.); а также: «Текст есть сложная коммуникативная единица наиболее высокого порядка <...> некая система смысловых единиц разной степени сложности и значимости (с точки зрения достижения целей названной деятельности), функционально (т. е. для данной конкретной цели / целей) объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией (замыслом)» [4: 135]. Макротексты могут иметь в своем составе энное количество микротекстов и, как показывают наши наблюдения, могут также складываться в тексты более «высокого» уровня. В таком случае мы говорим о макротекстах первого уровня, второго уровня и т. д. Своеобразной «вершиной» такой иерархической пирамиды текстов является макротекст самого «высокого» уровня или, если коммуникантам удалось в процессе общения создать единый текст, макротекст «глобальный». Подобный взгляд соотносим с по-

¹ Соотношение таких феноменов, как текст, логико-смысловый блок, коммуникативный акт, оговаривается нами особо в настоящей статье.

² Мы не считаем текст *языковым* образованием, однако идея об обязательном наличии в тексте смысловой суперструктуры нам достаточно близка. О том, что текст не представляет собой «текстему» как лингвистическую единицу и является единицей не языка, но речи, «элементом» системы коммуникации – см., например, [11; 14; 2].

ниманием текста в психолингвистике, которая рассматривает текст как «форму выражения иерархии смыслообразований разной степени сложности и значимости» [18: 114-115].

Приведем пример такого строения макротекста (отметим в скобках, что данный текст является далеко не самым сложным по своей структуре). Заметим, что, на наш взгляд, данный текст является яркой иллюстрацией положения о том, что «глобальные цели говорящего регулируют расчленение деятельности на ряд подчиненных действий и обеспечивают необходимые отношения типа предпосылка / следствие между ними» [13: 18].

*разговор у книжного лотка;
один из коммуникантов увидел некую книгу*

- А** 1 – Слушай, я ведь ее уже давно искала...
2 Сколько стоит?
2' ... [*Берет книгу и, увидев цену, присвистывает*]
3 Слушай, у тебя есть деньги?
Б 4 – Есть.
А 5 – Можно стрелнуть?
Б 6 – Сколько тебе?
А 7 – Ну, полтинник.
Б 8 – Держи...
8' Точно хватит?
А 9 – Да, конечно. Мерси.
9' Завтра верну.
Б 10 [*Ничего не говоря, машет рукой*]
А 11 – Ну, наконец-то!.. Сбудется мечта идиота!

В данном случае мы обозначили коммуникантов и проставили номера реплик, чтобы при анализе не повторять сами реплики, но называть только их номер. При этом в трех случаях мы использовали знак «штрих» (2 – 2', 8 – 8' и 9 – 9'), чтобы показать, что имеет место одна реплика, но начало ее «закрывает» предшествующий микротекст, а конец ее «открывает» последующий.

Две реплики: вторая часть реплики (2) – (2') и (10) – выражены невербальными средствами, но легко понимаются и при желании могут быть вербализованы.

Стимулом большинства реплик является предшествующая реплика партнера по коммуникации.

В анализируемой ситуации конситуация остается практически неизменной в процессе коммуникативного акта, параметр времени в данном случае также оказывается релевантным, т. к. реплики следуют одна за другой, практически не прерываясь паузами. Итак, представим нашу таблицу в несколько редуцированном виде (см. табл. 1).

Таким образом, из приведенной таблицы видно, что границы текста (даже если речь идет о микротексте) далеко не всегда совпадают с границами реплик. При этом не только несколько реплик могут входить в один текст (что достаточно очевидно), но и в пределах одной реплики может проходить «межа» между текстами (реплики 8–8' и 9–9', внутри которых проходит граница между микротекстами 6–7 и 7–8, соответственно).

Далее, в представленную нами таблицу 1 мы не включили графу «логико-смысловые блоки (ЛСБ)», поскольку в данном случае этот параметр также оказался

неревантным. ЛСБ, с нашей точки зрения, есть фрагмент коммуникации, тесно связанный с конситуацией и, следовательно, с ее изменениями, принципиально важными для протекания коммуникации³ (каковых в рассматриваемом коммуникативном акте не наблюдается). ЛСБ определяется логикой ситуации и смысловыми связями как ситуации в целом, так и, следовательно, в порождаемом речемыслительном продукте (тексте), поскольку включает в себя коммуникативные – в самом широком смысле (т. е. не только речевые) действия. Как и в случае с соотношением «текст – реплики», между границами ЛСБ и границами текстов нет жесткого соответствия: один ЛСБ может содержать несколько текстов (как микро-, так и макро-), внутри ЛСБ может проходить граница между текстами и т. д.

Таблица 1⁴.

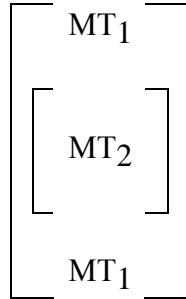
N реплики	Автор реплики	Стимул/ интенция	Реакция +/-	N текста		РД + связи реплик		
				мТ	МТ	S≥1	РД	S=1
1	А	сообщ.инф-ции	-	1	1		И	
2		«автозапрос»	+ нв.	2			В	
2'		эмоц.оценка	+ нв., в.				Онв.	
3	Б	запрос	+ в.	3	2		В	
4		инф.на запрос	+ в.				О	
5		запрос/просьба	+ в.	4			П	
6		запрос	+ в.	5			В	
7		инф.на запрос	+ в., нв.				О	
8		стереотип. сопров. репл.	+ в., нв.	6			С	
8'		запрос	+ в.	7			В	
9	А	инф.на запрос	-	8		О		
9'		сообщ.инф-ции, обещание	+ нв.			И		
10	Б	р-ция на инф-ю	-			Инв.		
11	А	сообщ.инф-ции	-	9	1		И	

Что касается структуры анализируемого текста, с точки зрения аранжировки макротекстов, то она может быть представлена следующим образом (см. сх.1):

³ ЛСБ некоторым (непрямым – sic!) образом соотносится с функционально-семантическим представлением (ФСП), который «отражает акт референтной привязки содержания текста к целевому (иллокутивному) акту», «отражает взаимодействие содержательной стороны текста с его функциональным выражением» [16: 11]. Общим для данных феноменов (ФСП и ЛСБ) является «акт референтной привязки», однако мы говорим о некотором иллокутивном акте, но о фрагменте дискурса в его связи с ситуацией.

⁴ Сокращения, принятые в таблице: мТ – микротекст; МТ – макротекст; РД – речевое действие; в. – вербальная (реакция); нв. – невербальная; И – информация; О – ответ; В – вопрос; П – просьба; С – стереотип; сообщ.инф-ции – сообщение информации; эмоц.оценка – эмоциональная реакция-оценка на ситуацию; инф.на запрос – сообщение информации на запрос; стереотип. сопров. репл. – стереотипная реплика, сопровождающая невербальное действие; р-ция на инф-ю – реакция на информацию.

Схема 1. Структура анализируемого текста.

Предлагаемая методика позволяет определить психолингвистические характеристики анализируемого текста:

- 1) наличие / отсутствие объединяющего коммуникантов единого мотива осуществления деятельности;
- 2) наличие / отсутствие объединяющей коммуникантов единой установки на осуществление совместной деятельности;
- 3) осуществляют ли коммуниканты совместную (в том числе речевую) деятельность;
- 4) получается ли в результате осуществления совместной деятельности коммуникантов единый текст;
- 5) реагируют ли коммуниканты на изменения конситуации; и если да, то как;
- 6) насколько активно и адекватно коммуниканты участвуют в коммуникации.

Помимо этого, наш анализ позволяет определить коммуникативное поведение участников коммуникации.

Психолингвистическими характеристиками приведенного текста являются: при отсутствии единого глобального мотива и реализующего его макроконцепта, разворачивающегося в макротексте, реализация общей установки на осуществление совместной речевой деятельности; в макротексте разворачивается макроконцепт одного коммуниканта (А), при этом второй коммуникант (Б) активно принимает участие в коммуникации и способствует порождению единого макротекста; осуществляя совместную (речевую) деятельность, коммуниканты демонстрируют полное взаимопонимание, проявляющееся на вербальном и невербальном уровнях и манифестирующее принадлежность коммуникантов не только к одному этносу, но и к одному социуму (т. е. коммуниканты владеют не только одной когнитивной базой, но и единым коллективным когнитивным пространством); кроме этого, можно сделать вывод о том, что коммуниканты находятся на одном социальном уровне и достаточно близко знакомы. В целом в процессе коммуникации коммуникантом удается создать единый макротекст.

В заключение отметим, что наши исследования показывают, что при наличии единого мотива, единой установки на осуществление совместной деятельности и при осуществлении таковой коммуникантам удается «создать» единый текст. Если отсутствует единый мотив, но есть установка на осуществление совместной деятельности, текст может получиться. Однако при наличии единого мотива, но при отсутствии указанной установки и совместной деятельности о порождении коммуникантами единого текста (с какой бы ни было сложной или простой структурой) речь не идет. Таким образом, если взглянуть на эту ситуацию с другой стороны, то можно сделать вывод о том, что если мы не имеем единого текста, как результата речемыслительной деятельности участников коммуникации, то это отсутствие значимо: у коммуни-

кантов не было установки на совместную деятельность (единый мотив к осуществлению деятельности может также отсутствовать) или же участники коммуникации не смогли (в силу каких-либо причин) осуществить таковую.

Л и т е р а т у р а

1. *Абызова В.Н.* К вопросу о методологии исследования текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 3-8.
2. *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста.* М., 1982.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. *Дридзе Т.М.* Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста. Сбор. науч. трудов. М., 1981. С. 129-136.
5. *Жинкин Н.И.* Развитие письменной речи учащихся 3-7 классов // Изв. АПН РСФСР. 1956, вып. 78.
6. *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб – Любляна. Сентябрь, 1978. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 196-220.
7. *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974.
8. *Красных В.В.* Новый тип текста: миф или реальность? (размышления на досуге) // Язык, сознание, коммуникация. Вып.11. М., 2000. С. 47-50.
9. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
10. *Куликов С.В.* Что такое минимальная единица текста? // Текст как инструмент общения. М., 1983. С. 6-14.
11. *Леонтьев А.А.* Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 103. М., 1976. С. 60-70.
12. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
13. *Менг К.* Проблема анализа диалогического общения // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 14-18.
14. *Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия.* Киев, 1979.
15. *Рахманкулова И.С.* Проблемы лингвистики текста // Лингвистика текста. Куйбышев, 1976. С. 3-6.
16. *Романов А.А.* Уровни функционально-семантического анализа текста // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 10-17.
17. *Семантика языковых единиц и текста* (лингвистические и психолингвистические исследования). М., 1979.
18. *Шахнарович А.М., Анухтин В.Б.* Психолингвистические проблемы предикации и обучение пониманию текстов // Аспекты изучения текста. Сбор. науч. трудов. М., 1981. С. 114-121.